

ЛЕСОГОРСКИЕ ИСТОРИИ

---

# После последнего протокола

---

**АЛЁНА СЕВЕРИНА**

Алёна Северина

**Лесогорские истории. После  
последнего протокола**

«Автор»

2026

## **Северина А.**

Лесогорские истории. После последнего протокола /  
А. Северина — «Автор», 2026

Утром Лада Невская возвращается в архив, чтобы завершить проверку спорного дела. Роман Лавров по-прежнему готов помочь, но прежние ошибки мешают обоим поверить простым обещаниям. Документы переходят к новым свидетелям, а разговоры о совместном будущем постоянно прерываются необходимостью отвечать за уже сделанное. Когда расследование подходит к концу, Ладе предстоит принять решение не о прошлом, а о собственной свободе.

© Северина А., 2026

© Автор, 2026

# Алёна Северина

## Лесогорские истории. После последнего протокола

### Глава 1. Заявление о сером универсале

К началу девятого в архиве пахло мокрой шерстью, пылью от старых переплётów и кофе, который Лада успела забыть на подоконнике. За окном тянулся серый лесогорский дождь. Вода стекала по стеклу узкими дорожками, размывая фонари на противоположной стороне улицы.

Лада закрыла журнал регистрации обращений и потянулась к следующей папке. На обложке стоял номер дела, тот самый, который она уже встречала в перечне из второй коробки, но пока не имела права связывать его с пропавшим свидетельством. Номер оставался номером. Она не позволяла ему стать ответом только потому, что слишком хотелось ответа.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге стоял курьер в промокшей синей куртке. В руках он держал плоскую посылку, обёрнутую коричневой бумагой. На наклейке, приклеенной криво, значилось её имя.

— Невская Лада Сергеевна?

— Да.

— Заказное отправление. Нужна подпись.

Лада не сразу протянула руку. Отправитель был указан неразборчиво: «Мельникова В. А.», ниже — адрес частного дома на улице Прибрежной. Фамилия ей ничего не говорила. Но в левом верхнем углу стоял штамп нотариальной конторы.

Она взяла посылку, проверила целостность бумаги, номер отправления и только потом распечатала.

— Если что-то не так, претензии на почте, — сказал курьер, уже отворачиваясь.

— Подождите.

Он посмотрел через плечо.

— Вы откуда её забирали?

— С отделения на Лесной.

— Лично у отправителя получали?

— Нет. Она была сдана вчера.

Курьер пожал плечами и вышел. Дверь мягко закрылась, оставив после себя тонкую щель холодного воздуха.

Лада положила свёрток на середину стола. Бумага оказалась влажной только снаружи. Внутри, судя по весу, лежало что-то небольшое и твёрдое. Не папка и не книга.

Она вскрыла упаковку ножом для бумаги.

Сначала показалась старая фотография в прозрачном файле. На снимке — берег, низкая деревянная будка и ряд фонарей на металлических стойках. Часть стекол была разбита, но все фонари оставались на местах. На обороте карандашом было написано: «Прибрежная, 17. До передачи участка».

Под фотографией лежало сложенное вчетверо письмо и плоский предмет размером с половину ладони. Обычная латунная пластинка с двумя отверстиями по краям, потемневшая от времени. На ней выбили цифру 17 и короткую букву «Б».

Лада подняла пластинку. Она была тёплой от бумаги, хотя это ощущение исчезло почти сразу. Никакой тайны в предмете не было: номерная табличка, вероятно, с двери или ограды. Обычная вещь, которую могли снять при ремонте и забыть в ящике.

Письмо оказалось адресовано ей.

«Лада Сергеевна.

Если Вы получили этот конверт, значит, я больше не успела прийти сама. В архиве лежит копия, но оригинала там нет. Не соглашайтесь, что это просто ошибка в описи. Из-за этой ошибки Мише Сафонову предъявили требование освободить дом до конца месяца.

Свидетельство о передаче дома № 17 по Прибрежной улице должно находиться в деле 4-86. В описи оно есть. В коробке его нет.

Ключ к старому шкафу я не посылаю. Он у Вас уже был — Вы брали его в декабре, когда проверяли вторую опись. Пластинка лежала под подкладкой в нижнем ящике. Я не знала, кому ещё доверить.

В. Мельникова».

Лада перечитала письмо дважды.

Имя Миши Сафонова было ей знакомо. Михаил Сафонов, двадцать девять лет, временно зарегистрирован в доме на Прибрежной, семнадцать. В прошлом месяце он приходил в архив за заверенной копией документов, подтверждавших право его бабушки на проживание. Лада помнила его слишком хорошо: высокий, сутулый, в рабочей куртке с белой пылью на рукавах. Он тогда несколько раз переспросил, действительно ли архивная копия имеет силу, если оригинал не найден.

Она ответила, что имеет, если копия оформлена надлежащим образом и источник указан в описи.

Теперь источник существовал только на бумаге.

Лада посмотрела на латунную пластинку. «17-Б». Не ключ. Не доказательство сама по себе. Но предмет, который Мельникова спрятала в письме намеренно.

Она достала журнал выдачи дел и раскрыла его на записи за декабрь. Да, ключ от нижнего шкафа она действительно брала. Двадцать второго числа, на сорок минут, для сверки старых описей. Вернула в тот же день. Подпись стояла её рукой.

Память восстановилась не сразу. Коридор, холодный металл шкафа, папка с осыпавшимся корешком. Лада тогда торопилась: в приёмной ждал посетитель, телефон не переставал звонить. Нижний ящик она открыла, просмотрела связку конвертов и закрыла. Подкладку не поднимала. Если пластинка была там, она её не видела.

Но теперь в журнале напротив дела 4-86 стояла ещё одна запись. Её не было в декабре.

«Оригинал свидетельства проверен. Дело передано на временное хранение».

Дата — три дня назад. Подпись отсутствовала.

Лада провела пальцем по строке, не касаясь чернил. Запись была сделана той же ручкой, которой пользовались в архиве, но почерк ей не принадлежал. И всё же формулировка выглядела так, будто именно она допустила небрежность: проверила, передала, не приложила акт.

На полке рядом лежала папка с текущими обращениями. Лада открыла её и нашла заявление Михаила Сафонова. Копия уведомления от жилищного отдела была подшита сверху. До конца месяца оставалось девять дней.

Под уведомлением стояла резолюция: «В связи с отсутствием оригинала документа подтверждение права считать неподтверждённым».

Цена ошибки вдруг обрела лицо, адрес и срок.

Лада сняла телефон с зарядки и набрала номер Михаила. После третьего гудка он ответил.

— Сафонов слушает.

— Это Лада Невская, архив.

На другом конце возникла короткая пауза.

— Что-то нашли?

В его голосе не было надежды, только усталость человека, которому уже слишком часто обещали перезвонить.

— Я нашла сведения о том, что оригинал свидетельства должен быть в деле. Но самого документа пока нет.

— То есть ничего?

— Нет. Это не ничего. Но и не подтверждение права.

— Мне завтра отключают электричество, — сказал Михаил. — Сказали, пока дом не освободим, заявку не примут. Бабушка там жила сорок лет. Я не могу вытащить её вещи на улицу из-за того, что у вас бумага пропала.

Лада сжала телефон крепче.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете. У вас дело в шкафу. А у меня там человек после инсульта.

Он отключился, не попрощавшись.

Лада осталась сидеть перед раскрытым журналом. За окном зажглись фонари, хотя день ещё не закончился. Их отражения дрожали на стекле, и в каждом будто застревала тонкая полоска дождя.

Она убрала фотографию в файл, письмо оставила на столе, а латунную пластинку положила рядом с журналом и включила диктофон.

— Двадцать третье марта, девять часов двенадцать минут. Получено заказное отправление от Веры Андреевны Мельниковой. Внутри: письмо, фотография дома номер семнадцать по Прибрежной улице и латунная номерная пластинка «17-Б». Письмо сообщает об отсутствии оригинала свидетельства в деле 4-86 и о последствиях для Михаила Сафонова.

Лада остановилась, посмотрела на безымянную запись в журнале и добавила:

— В деле указано, что оригинал проверен и передан на временное хранение. Подпись отсутствует. Запись внесена после моей последней проверки.

Она выключила диктофон, закрыла журнал и впервые за всё утро поняла: если Мельникова не ошиблась, документ исчез не между старой описью и нынешним поиском. Его кто-то видел, назвал в записи и убрал после того, как Лада ушла из хранилища. Дальнейшая проверка затянулась до вечера.

Лада не сразу убрала диктофон. Сначала посмотрела на погасший индикатор записи, словно всё ещё сомневалась, достаточно ли чётко прозвучали собственные слова. Потом вынула из ящика белые хлопчатобумажные перчатки и надела их, хотя собиралась работать только с папкой.

Коробка с делом 4-86 хранилась в нижнем ряду металлического шкафа. Лада записала в журнал время изъятия, поставила подпись и только после этого достала её обеими руками. Картон за годы отсырел по краям и стал мягким, как старая корка хлеба. На крышке сохранилась выцветшая надпись: «Прибрежная, 17-Б. Право пользования. Проверка».

Она отнесла коробку на стол, включила настольную лампу и начала выкладывать содержимое в том порядке, в каком находила.

Заявление о признании права. Копия паспорта. Справка о составе семьи. Ответ районного отдела. Два листа переписки с коммунальной службой. Акт обследования дома, сложенный вчетверо. Заверенная копия свидетельства — с печатью, но без приложения, на которое ссылался последний лист.

Оригинала не было.

Лада не удивилась: она знала это ещё до того, как открыла коробку. Но теперь отсутствие обрело вес. Между папкой и столом лежала не абстрактная потеря, а пустое место, вокруг которого кто-то выстроил новую запись.

Она достала лупу и наклонилась над актом проверки.

«Оригинал свидетельства проверен по месту хранения. Передан на временное хранение до окончания сверки».

Дата стояла вчерашняя. Ровные цифры, чёрные чернила, никакой подписи.

Лада перевернула лист. На обороте виднелось слабое вдавленное пятно — прямоугольник размером с край металлической линейки. Она подложила под бумагу чистый лист и провела мягким графитным карандашом по поверхности. Проявились не слова, а несколько пересекающихся линий, словно на верхнем листе писали, прижимая ручку сильнее обычного.

Лада остановилась.

Такое вдавливание ничего не доказывало. Оно могло остаться от старой записи, от соседнего листа, от небрежности сотрудника. Она занесла наблюдение в рабочий блокнот, указав номер листа и время, затем сфотографировала страницу на служебный телефон.

Папка лежала открытой, а дождь за окном усиливался. По стеклу бежали целые ручьи; фонари напротив расплывались жёлтыми пятнами. Лада посмотрела на латунную пластинку. «17-Б». На обратной стороне, которую она до сих пор не рассматривала, обнаружили две короткие царапины и круглая выемка возле края. Не знак, не цифра — просто след крепления.

Она взяла фотографию дома и сравнила пластинку с табличкой на двери. На снимке номер был закрыт веткой сирени, но под ней угадывалась такая же тёмная полоса, как под металлическим креплением.

Лада позвонила Михаилу Сафонову. Он ответил после шестого гудка.

— Да?

— Это Невская. Я ещё раз уточню, чтобы не ошибиться. Пластинка находилась у вас дома?

На том конце послышался шум воды и приглушённый кашель.

— У меня на кухне. Бабушка сняла её, когда меняли дверь. Думала, просто старая железка. Потом Вера Андреевна сказала, что лучше отправить вам.

— Кто именно снял её с двери?

— Мастер. Лет пять назад. Я сам не видел. А что?

— Ничего окончательного. Мне нужно понимать происхождение предмета.

— Вы хотите сказать, что это не от дома?

— Я хочу сказать, что пока не могу утверждать обратное.

Михаил тяжело выдохнул.

— Вера Андреевна была там почти каждый день. Она знала всё, что происходило с домом. Если письмо отправила она, значит, не просто так.

— Вы говорили, что у вас живёт человек после инсульта. Это ваша бабушка?

— Моя мать.

— Вы упомянули бабушку. Я решила, что речь о ней.

— Бабушка умерла три года назад, — резко ответил он. — Она действительно прожила в этом доме сорок лет. Теперь там живёт моя мать, она после инсульта. Я говорил о двух разных людях.

Лада закрыла глаза на секунду. В блокноте уже стояла её первая запись: «Бабушка жила сорок лет». Она оставила её без изменений и ниже дописала: «После инсульта в доме проживает мать Михаила. История проживания бабушки и право матери на жильё требуют документальной проверки».

— Спасибо, что поправили. Мне важно записать точно.

— Вам важно записать, а мне важно, чтобы завтра не отключили свет.

— Я понимаю. Я не обещаю, что решу вопрос за ночь. Но сегодня передам заявление о срочном рассмотрении и приложу копии того, что подтверждает отсутствие оригинала.

— А если они опять скажут, что ничего нет?

— Тогда они будут отвечать не устно, а письменно.

Михаил помолчал. В его молчании осталось недоверие, но уже не прежняя беспомощность.

— Вы правда это сделаете?

— Да.

— Тогда пришлите мне номер обращения.

— Пришлю.

Он назвал адрес электронной почты, продиктовал его дважды и отключился.

Лада внесла в журнал ещё одну запись, затем открыла чистый бланк обращения. Формулировки пришлось подбирать осторожно. Она не написала «свидетельство похищено», не написала «кто-то убрал документ». Указала: «оригинал отсутствует в составе дела; запись о временном хранении не содержит подписи и не подтверждена актом передачи; заявителю грозит прекращение коммунального обслуживания в связи с отсутствием документа, подтверждающего право пользования помещением».

На третьем абзаце она услышала шаги в коридоре.

Шаги остановились у двери, но стука не последовало.

Лада подняла голову.

— Войдите.

Дверь открылась. На пороге стоял Роман Лавров. На его тёмной куртке блестели капли дождя, волосы намокли у висков. В одной руке он держал папку, в другой — сложенный зонт.

— Я звонил тебе, — сказал он.

— Телефон был на записи.

— Увидел.

Его взгляд скользнул по коробке, раскрытой папке, фотографии и латунной пластинке, но он не подошёл ближе.

— Что случилось?

Лада сняла перчатки, положила их рядом с журналом.

— В деле появилась новая запись. Вчерашняя. Кто-то указал, что оригинал свидетельства передан на временное хранение. Но подписи нет, акта нет, самого оригинала тоже.

Роман не стал спрашивать, уверена ли она, что запись новая. Он поставил зонт у стены и взглянул на лист, не касаясь его.

— А письмо?

— От Веры Мельниковой. Она пишет, что из-за пропажи документа семье Сафонова грозит выселение. Об отключении электричества Михаил сообщил по телефону. Михаил уточнил, что после инсульта в доме живёт его мать, а бабушка умерла три года назад. Я дополнила запись.

— Хорошо, что исправила.

— Это не похвала.

— Нет. Просто факт.

Лада посмотрела на него поверх раскрытого журнала.

— Мне нужен второй человек при осмотре. Не тот, кто скажет, что всё выглядит подозрительно. Тот, кто зафиксирует, что именно мы нашли.

Роман снял куртку.

— Тогда начинай с начала.

— Ты не спрашиваешь, почему я позвала?

— Ты позвала не для того, чтобы я тебя успокаивал.

Внутри у неё что-то болезненно дрогнуло, но она не позволила этому стать ответом.

— Подпись под записью отсутствует. Я хочу проверить журнал выдачи и листы временного хранения.

— А доступ у тебя есть?

— К журналу — да. К комнате временного хранения — только через дежурного.

— Тогда пойдём вместе.

Лада закрыла коробку и поставила рядом с ней табличку «До окончания проверки не подшивать». Затем внесла в журнал имя Романа и время его прибытия. Он заметил это, но ничего не сказал.

Она взяла ключ от комнаты хранения, папку с делом и фотографию дома. Латунную пластинку оставила на столе, накрыв прозрачным конвертом.

— Пластинку не берём? — спросил Роман.

— Пока она остаётся здесь. Это вещественное вложение к отправлению, а не доказательство происхождения номера.

— Значит, сначала журнал.

— Сначала журнал.

Они вышли в коридор, и Лада заперла архивную комнату на два оборота. За стеной глухо работала старая вентиляция. Внизу, у входа, щёлкнул замок — дежурный открыл им проход к служебной лестнице.

Впервые за этот день Лада оставляла дело не одна, но легче от этого не стало: теперь каждая следующая запись могла показать не только, где исчез документ, но и кто рискнул оставить после себя след.

За служебной лестницей дежурный ждал их у металлической двери. Это был невысокий мужчина в сером свитере, с полотенцем через плечо. Лада видела его раньше, но имени не помнила.

— Комната временного хранения, — сказала она, показывая ключ и папку. — Нужно открыть журнал доступа за период с четырнадцатого по двадцать первое число.

Дежурный взглянул на Романа, потом на запись в журнале.

— А разрешение заведующей есть?

— Есть распоряжение по архиву, — ответила Лада. — И служебная необходимость. Мы ничего не изымаем.

— Я должен присутствовать.

— Присутствуйте.

Он достал связку ключей, выбрал длинный, с облупившейся синей меткой, и дважды повернул его в замке. Дверь открылась не сразу: нижний край зацепился за разбухший от сырости порог. Изнутри потянуло холодом, картоном и металлической пылью.

Комната была узкой, почти без окон. Вдоль стен стояли стеллажи с серыми коробами, на каждом — белая карточка с номером, датой поступления и сроком хранения. Под потолком гудела лампа. В её свете папки казались одинаковыми, пока взгляд не цеплялся за наклонённую карточку или потемневший угол картона.

— Журнал у вас? — спросила Лада.

— В шкафу.

Дежурный прошёл к дальнему стеллажу, отпер нижнюю дверцу и вынул толстую книгу в зелёной обложке. Ключ он положил на ладонь и не убирал.

— Здесь запись по всем выдачам, — сказал он. — Только за этот месяц.

Лада поставила папку на свободный край стола, надела тонкие перчатки и открыла журнал. Бумага под пальцами была сухой, шероховатой. В верхнем углу каждой страницы стоял штамп архива, а строки были пронумерованы вручную.

Роман встал с другой стороны стола. Он не наклонялся к книге, пока Лада не отодвинула её так, чтобы ему было видно.

Она нашла нужную дату, затем следующую. Дела 4-86 в журнале выдач не оказалось. На третьей странице, в строке двадцать семь, её остановила другая запись: в графе возврата там не было отметки. Пока ничто не связывало эту выдачу с пропавшим свидетельством, но Лада решила проверить её отдельно.

«Дело № 18-47. Выдано для сверки с реестром».

Ниже стояли дата, время и короткая подпись. Подпись была похожа на две пересекающиеся черты. В графе «возврат» — пусто.

Лада провела взглядом по строке.

— Кто имеет право выносить дела из комнаты временного хранения?

— Архивисты и заведующая, — ответил дежурный. — Иногда юрист по письменному запросу.

— Здесь нет основания выдачи.

— Значит, не внесли.

— И нет отметки о возврате.

— Значит, возврат не отметили. Вернули ли на самом деле, по журналу не установить.

Он сказал это без удивления, будто речь шла о забытой кружке в подсобке.

Лада перелистнула страницу назад. В соседней строке значилось другое дело, выданное в тот же день. Подпись была такой же: две пересекающиеся черты.

— Кто расписался?

— Я не знаю. Подписи сотрудников у нас в образцах не хранятся.

— Но вы открываете дверь.

— Я открываю по ключу. Кто взял папку, тот и расписывается.

— А если подпись неразборчива?

— Тогда спрашивают у заведующей.

Лада подняла глаза.

— Я сейчас спрашиваю у вас.

Дежурный сжал губы. На его рукаве осталось влажное пятно от полотенца.

— В тот день была Ирина Павловна, — сказал он наконец. — Она уходила около шести. Потом приходила женщина из отдела регистрации, но я не видел, что именно она брала.

— Фамилия?

— Не помню.

Роман коснулся края страницы, не прикасаясь к ней.

— В журнале есть отметка о том, кто открыл комнату?

— Только если я открывал. Входной журнал внизу, у поста.

Лада записала: «Входной журнал — получить». Рядом поставила время.

— Покажите место хранения дела.

Дежурный на секунду задержал взгляд на папке Лады.

— Номер восемнадцать сорок семь?

— Да.

Он взял карточку с полки, пробежал глазами по рядам и остановился у стеллажа справа. Короб с нужным номером стоял между делами за прошлый год. Карточка была вставлена неровно, один угол загнулся внутрь.

Дежурный выдвинул короб.

Крышка открылась с сухим щелчком. Внутри лежали две тонкие папки, конверт с распечатками и пластиковый пакет с канцелярскими скрепками. Само дело занимало меньше половины пространства.

Лада сверила номер на обложке с записью в журнале.

— Папка на месте.

Роман посмотрел на неё.

— Тогда что выдано?

Лада не ответила. Она открыла папку. Первый лист — регистрационная карточка. Второй — копия запроса. Третий отсутствовал. После копии запроса сразу шёл лист внутреннего движения.

На внутреннем листе, в графе «приложения», было написано: «свидетельство о передаче имущества, один лист». Ниже — штамп «получено». Дата совпадала с датой, указанной в журнале выдачи.

Лада почувствовала, как под перчаткой напряглись пальцы.

— Свидетельство было вложено в это дело, — сказала она.

— Было? — переспросил Роман.

— По описи — да. Но это дело 18-47, не 4-86. Пока у нас нет оснований считать, что речь о том же свидетельстве.

Она перелистнула папку ещё раз, медленнее. За последним листом тянулась прозрачная полоска клея, оставшаяся на картоне. По одному клеевому следу нельзя было установить, какой документ крепился к обложке; в описи же отсутствующее свидетельство стояло между копией запроса и листом внутреннего движения. На клеевом следе сохранилась тонкая синяя волокнистая пыль.

Лада наклонилась ближе. На внутреннем корешке темнел прямоугольник, более светлый, чем остальной картон. Там долго лежал документ или конверт.

— Здесь что-то было прикреплено, — произнесла она.

— Или клей остался от старого вложения, — сказал дежурный.

Роман посмотрел на опись.

— Тогда почему в листе движения стоит «получено»?

Дежурный ничего не ответил.

Лада достала из кармана телефон, сфотографировала разворот журнала, обложку и внутренний лист папки. Каждый снимок она сопровождала короткой записью в заметках: место, дата, время, источник. Потом закрыла папку и не стала возвращать её в короб.

— Я забираю дело в рабочую комнату для проверки, — сказала она.

— Нельзя. Здесь нет новой записи.

— Тогда внесите её сейчас. Основание — обнаруженное расхождение между описью и фактическим содержимым.

Дежурный нервно взглянул на журнал.

— Я не уполномочен.

— Вы уполномочены открыть комнату и выдать журнал. Для перемещения я составлю акт, вы подпишете как присутствующий.

— А если заведующая скажет, что нельзя?

— Она скажет это письменно.

Роман не вмешивался, но его молчание действовало сильнее торопливых уговоров. Дежурный посмотрел на него, потом на Ладку и всё-таки протянул руку к ручке.

— Акт у вас есть?

— Сделаю в рабочей комнате.

— Тогда я понесу короб.

— Нет, — сказала Лада. — Короб остаётся здесь. Перемещается только папка, и до момента передачи она находится у меня на виду.

Дежурный отступил. На лице у него появилось раздражение, смешанное с тревогой.

— Вы думаете, это я взял лист?

— Я думаю, что пока не знаю, кто его взял. Поэтому фиксирую всё до того, как начну думать.

Роман едва заметно качнул головой, одобряя не её вывод, а порядок действий.

Лада вложила папку в чистый архивный конверт, указала номер дела, дату и время. Свободное поле оставила для подписей. Когда она уже собиралась закрыть клапан, из-под нижней обложки выпал маленький прямоугольник плотной бумаги.

Он упал на стол серой стороной вверх.

Не письмо. Не часть формуляра. Обычная карточка, вырезанная из старого календаря. На обороте сохранилась половина напечатанной строки: «...фонарей, дом 7». Ниже от руки стояло: «проверить до передачи».

Лада не прикоснулась к ней.

— Это было внутри? — спросил Роман.

— Да. Но не в описи.

Дежурный побледнел.

— Может, закладка.

— Может, — согласилась Лада. — А может, пометка человека, который видел свидетельство последним.

Она сфотографировала карточку, затем положила рядом с папкой линейку из канцелярского набора. На краю бумаги виднелся след от ржавой скобы.

Роман тихо сказал:

— Адрес совпадает с фотографией?

— Пока только дом семь. Название улицы на карточке обрезано.

Номер дома сам по себе не устанавливал адреса. Зато карточка связывала исчезнувший лист с чужой пометкой, которой не было в официальной описи.

Лада закрыла конверт и записала в блокноте время осмотра. Акт перемещения она составит в рабочей комнате, как и обещала дежурному.

— Возвращаемся. Мне нужно сверить эту карточку с отправлением и проверить, кто подписал выдачу.

— А входной журнал? — напомнил Роман.

— Сначала входной журнал. Если кто-то вошёл сюда под чужим именем, это будет видно раньше, чем мы доберёмся до подписи.

Она взяла конверт обеими руками. Роман открыл дверь и пропустил её вперёд. В коридоре пахло мокрым камнем; где-то внизу снова щёлкнул замок.

Лада обернулась к дежурному:

— Комнату закрыть. До моего возвращения никто не входит.

— Даже заведующая?

— Особенно без фиксации.

Дежурный кивнул и запер дверь. Ключ повернулся в замке один раз, потом второй. Лада услышала этот звук и только тогда позволила себе выдохнуть.

Лада не стала угадывать улицу: на карточке читалось только «...фонарей, дом 7». Связь с конкретным адресом оставалась предположением. Зафиксировано было другое: в описи значилось свидетельство, в листе движения стояло «получено», а самого документа в папке не было.

Входной журнал хранился не в канцелярии, а на вахте, в дерматиновой папке с выцветшей надписью «Пост № 1». Лада знала это с первого дня работы и всё равно спросила у дежурного, где ведётся учёт посетителей, — чтобы он ответил вслух и при свидетеле.

— На вахте. Зоя Павловна выдаёт.

— Пойдёмте.

Они спустились по лестнице, где на ступенях лежала серая дорожка, прибитая латунными прутьями. Пахло мокрым камнем и отоплением, которое включили слишком рано. За стеклянной перегородкой сидела вахтёрша в шерстяной кофте и разгадывала кроссворд, держа ручку не за корпус, а у самого грифеля.

— Зоя Павловна, добрый вечер. Мне нужен журнал за последние два месяца.

— Зачем это? — Вахтёрша подняла голову, но папку придвинула сразу, без спора. — Кражи не было.

— И не будет, если мы сейчас посмотрим. — Лада положила на стойку служебное удостоверение, но не убрала руку, пока женщина не открыла папку.

Журнал был толстый, в коленкоровой обложке, с графами, расчерченными от руки ещё в те годы, когда никто не думал, что в архиве понадобится электронный пропуск. Дата. Время. Фамилия. Подразделение. Номер пропуска. Подпись.

Лада листала медленно, придерживая страницы за верхний угол, чтобы не стереть карандашные пометки. Роман встал сбоку, так, чтобы свет от настольной лампы падал и на его сторону стойки.

— Двадцать четвёртое февраля, — сказала Лада. — Вот.

Запись была короткой. Время — одиннадцать сорок. Фамилия — Сорокина. Подразделение — отдел комплектования. Пропуск номер сорок четыре.

Через пятнадцать минут, на следующей строке: Кузнецов, хозяйственная часть, пропуск сорок пять.

Лада перевела взгляд на подписи и почувствовала, как у неё холодеют пальцы — не от страха, а от той ясности, которая приходит, когда две отдельные вещи вдруг совпадают по форме.

— Роман. Посмотрите на «а».

Он наклонился. В обеих подписях последняя буква была выведена одинаково: с длинной петлёй, уходящей вверх и влево, как будто рука привыкла заканчивать слово рывком. Та же манера, тот же нажим, та же малая буква «р» с плоской верхушкой.

— Один человек, — сказал Роман.

— Один человек дважды. С разницей в пятнадцать минут.

— Может, расписался за коллегу. Бывает.

— За коллегу расписываются, когда тот стоит рядом и просит. — Лада достала из папки акт выдачи и положила его на стойку, прикрыв ладонью половину листа, чтобы вахтёрша видела только подпись. — Зоя Павловна, вы узнаете почерк?

Женщина отложила ручку, прищурилась, потом достала из кармана кофты очки в металлической оправе и надела их.

— Похоже. — Она сказала это без уверенности, но и без желания угодить. — Такая же палка на конце.

— Это подпись того, кто принял свидетельство из дела.

Роман тихо, почти не разжимая губ, произнёс:

— Значит, человек вошёл под двумя именами и подписал приём сам себе.

— Не обязательно сам себе. — Лада закрыла акт. — Но он вошёл дважды и во второй раз назвался Кузнецовым. Вопрос — зачем второй пропуск.

— Чтобы вынести что-то, за что первый уже отмечен, — сказал Роман и сам поморщился от того, как гладко это прозвучало. — Простите. Слишком складно.

— Складно, — согласилась Лада. — Поэтому проверим, а не поверим.

Она повернулась к дежурному, который стоял у перегородки, держа руки за спиной, словно в строю.

— Кто выдавал пропуска двадцать четвёртого?

— Я, наверное. Или смена Зои Павловны. — Он запнулся. — Журнал выдачи пропусков отдельно, в тумбочке.

— Доставайте.

Тумбочка оказалась заперта на маленький ключ, который дежурный носил на связке вместе с ключом от комнаты, где лежало дело. Лада отметила это про себя и не сказала вслух: пока это была деталь, а не вывод.

В журнале пропусков под номером сорок четыре значилось: «Сорокина Н. П., на два часа, архив». Под номером сорок пять — «Кузнецов А. В., на два часа, архив». Обе строки заполнены одной рукой, обе — без указания времени возврата.

— Возврат не отмечали? — спросила Лада.

Дежурный посмотрел в журнал так, будто видел его впервые.

— Отмечали. Если сдавали.

— А если не сдавали?

— Тогда пропуск считается утерянным, и мы пишем докладную.

Докладной не было. Это Лада тоже не произнесла — теперь у неё было три расхождения, и каждое требовало отдельной бумаги, а не одной фразы, сказанной в коридоре.

Зоя Павловна вдруг сказала:

— Двадцать четвёртого лифт стоял. Я ещё ругалась, что мастер не идёт. Мужчина этот поднимался пешком, на третий этаж, и нёс папку — вот так, обеими руками, перед собой. Я запомнила, потому что он не поздоровался.

— Как он выглядел?

— Обыкновенно. Плащ серый, капюшон. Лица не разглядела, он всё время вниз смотрел. — Она подумала и добавила: — И обувь у него была сухая. А на улице лило.

Лада медленно перевела дыхание. Сухая обувь означала, что человек пришёл не с улицы, а из внутреннего двора или из соседнего здания, соединённого переходом. Или что он просидел где-то внизу столько, сколько нужно было, чтобы обсохнуть.

— Роман, обойдите здание. Внутренний двор, переход, всё, что выходит на Береговую. Мне нужны двери. — Она достала телефон. — Я сфотографирую страницы и составлю акт о расхождении. Если кто-то войдёт в комнату до утра, я хочу, чтобы у нас уже была подпись под тем, что мы видели.

— А заведующая? — спросил дежурный.

— Заведующей я сообщу утром и в письменном виде. — Лада сняла крышку с ручки. — С указанием, что журнал изъят не был, комната опечатана, ключ у вас. Ваша фамилия?

— Гуцин.

— Гуцин, — повторила она и записала.

Она заполняла акт на стойке, придерживая лист локтем, и слышала, как за окном дождь перешёл в мелкую, ровную крупу — ту, что стучит по жести и не оставляет луж. Роман вернулся через двадцать минут, с мокрыми плечами.

— Двор глухой. Но есть пожарная дверь на Береговую, седьмой дом — через неё, — он показал рукой, — метров сорок по тротуару. Замок на двери старый, вставной, и он не заперт.

— Не заперт или открыт?

— Открыт. Язычок отвлёл, царапины свежие.

Лада подписала акт, поставила время и протянула ручку дежурному.

— Подпишите. И ключ от комнаты отдайте Роману Лаврову под роспись. Он не сотрудник архива, но он свидетель, и мне нужно, чтобы ключ был не у вас.

Гуцин побледнел второй раз за вечер, но ключ отдал и расписался там, где она показала.

— Зоя Павловна, — Лада закрыла папку, — если до утра кто-то спросит журнал, скажите, что он на столе у заведующей. И позвоните мне.

— А если заведующая сама спросит?

— Тогда тем более позвоните.

На улице фонари горели вполсилы, размытые дождём, и вода в лужах дрожала от капель. Лада спустилась с крыльца и остановилась, прижимая папку к груди.

— Мы можем поехать на Береговую сейчас, — сказал Роман. — Или утром, с понятиями и участковым.

— Утром там может не быть ничего, кроме закрытой двери и человека, который уже вывез коробки.

— А сейчас там может быть человек, который ждёт нас с той стороны замочной скважины.

Лада посмотрела на него. Он не спорил и не подталкивал — просто стоял под дождём, не подняв воротник, и ждал, пока она решит сама.

— Седьмой дом, — сказала она. — Но мы не входим. Мы смотрим, что там за дверью, кто приходит и уходит, и снимаем это на телефон. Если внутри кто-то есть, вызываем полицию и стоим на улице.

— Согласен.

— И ещё одно. — Лада открыла папку и вынула конверт. — Карточку я оставляю у себя. Не потому, что не доверяю. Потому что если нас остановят, у нас должно быть две разные вещи в двух разных руках.

Роман взял акт, сложил его во внутренний карман и застегнул молнию.

— Тогда идём. Пока дождь не смыл царапины на замке.

Они пошли вдоль улицы, мимо витрины с погасшей вывеской, мимо урны, из которой торчал чей-то зонт с вывернутыми спицами, и Лада считала шаги, потому что считать было проще, чем думать о доме номер семь, где их никто не ждал и где, возможно, их уже ждали.

Дом номер семь стоял в глубине двора, за низкой оградой, и его фасад терялся в темноте, будто кто-то стёр его влажной тряпкой. Над входом висел фонарь — тот самый, забытый, с треснувшим плафоном, — и не горел. Свет был только на втором этаже: одно окно, занавешенное до половины, отбрасывало на мокрый асфальт жёлтый прямоугольник.

— Видишь? — Роман кивнул на окно.

— Вижу. — Лада остановилась под тополем, с которого на плечи сыпались крупные капли. — Кто-то там есть. Или забыл выключить.

— Свет включён в девять вечера. В доме, который, по словам Гущина, пустует с апреля.

Она достала телефон, но снимать пока было нечего: окно, ограда, чёрная полоса водосточной трубы. Сделала два кадра — просто чтобы зафиксировать время, — и убрала телефон в карман, поближе к телу, чтобы не намок.

Они простояли минут десять. Дождь то усиливался, то стихал, и в паузах слышно было, как где-то за домом капает в жестяную бочку — ровно, как метроном. Лада начала считать удары и остановилась на тридцати семи.

Калитка скрипнула.

Она не успела ничего сказать — Роман уже отступил на полшага в тень ограды и положил ладонь ей на локоть. Из калитки вышел мужчина в тёмной куртке без капюшона, с непокрытой головой, и дождь сразу пригладил ему волосы. В руках он нёс картонную коробку, обхватив её двумя руками, как несут что-то тяжёлое и хрупкое одновременно. За ним, придерживая дверь плечом, вышла женщина в плаще. Она что-то сказала ему вполголоса — Лада не разобрала слов, только интонацию, — и мужчина коротко кивнул, не оборачиваясь.

— Снимай, — прошептал Роман.

Лада уже держала телефон. Мужчина поставил коробку на заднее сиденье старой серой машины, припаркованной у самой калитки, и захлопнул дверцу. Номерной знак блеснул в свете уличного фонаря на углу — она успела поймать три цифры и букву, прежде чем машина тронулась и ушла в сторону моста, мимо витрины с погасшей вывеской.

Женщина осталась стоять у калитки. Постояла, глядя вслед машине, потом вернулась в дом. Свет на втором этаже погас.

— У нас есть номер, — сказала Лада. — Частично.

— И у нас есть женщина, которая живёт в доме, где, по документам, никто не живёт. — Роман вынул из кармана сложенный акт, но разворачивать его под дождём не стал. — И коробка. Такая же, как в перечне.

— Не такая же. Похожая. — Лада прикусила губу. — Я не буду говорить «та же», пока не увижу маркировку.

— Хорошо.

Они перешли улицу — не к дому, а к соседнему подъезду, где под козырьком горела лампочка и можно было спрятаться от воды. На первой скамейке сидела женщина в вязаной кофте поверх халата и держала на коленях поводок с маленькой дрожащей собакой.

— Простите, — сказала Лада. — Вы не знаете, кто живёт в седьмом доме?

Женщина подняла голову медленно, будто вопрос ей задавали уже не в первый раз и она устала отвечать одно и то же.

— Никто не живёт. Хозяйка померла в позапрошлом году. Сын приезжает. Редко. — Она подтянула поводок. — Вот сейчас, видать, приезжал. Вы из полиции, что ли?

— Из архива, — сказала Лада, и это было почти правдой.

— А-а. — Женщина потеряла интерес и отвернулась к дождю.

— А давно сын приехал? — спросил Роман.

— Да с неделю уже. Каждый вечер свет горит. — Она помолчала. — Только я его раньше не видела. Хозяйкин-то сын вроде в другом городе жил. Может, и он. Может, и не он.

Лада поблагодарила и отошла к стене. Сердце стучало чаще, чем следовало, и она злилась на себя за это — за то, что чужая полуправда так легко превращается в её собственную надежду.

— С неделю, — сказала она тихо. — Ровно с того дня, как из архива пытались вывезти коробки.

— Совпадение, — сказал Роман. — Или нет. Но номер машины у нас есть.

— Три цифры и буква. Этого мало.

— Для базы — мало. Для человека, который ею пользуется, — нет.

Лада открыла папку, которую держала под курткой, чтобы не намокла, и вынула конверт. Внутри лежала карточка — плотная, с чуть загнутым углом, похожая на старый читательский билет. На ней стояло имя и номер, и номер был тот самый, который она уже видела в перечне из второй коробки. Она смотрела на него, и в голове медленно, как вагонетка в гору, поднималась одна мысль.

— Роман.

— Что?

— Этот номер. Я видела его в перечне. И на обложке папки, которую мне дали сегодня утром. — Она подняла глаза. — Я думала, это номер дела. А это не номер дела.

— А что?

— Это читательский номер. — Лада повернула карточку к свету. — Человек, который брал документы в архиве. Тот, кто имел доступ к свидетельству раньше нас.

Роман молчал. Дождь барабанил по козырьку, собака на скамейке взвизгнула и затихла.

— Значит, мы искали того, кто вывез коробки, — сказала Лада, — а надо было искать того, кто их читал.

— И он только что уехал на серой машине, — сказал Роман.

— Или не он. — Лада убрала карточку обратно в конверт. — Но если я права, то у нас впервые за все это время есть имя, которое можно проверить. Не догадка. Имя.

Она посмотрела на тёмное окно седьмого дома и вдруг отчётливо поняла, что утром здесь может не остаться ни коробок, ни женщины в плаще, ни следов на замке. Только закрытая дверь и соседка, которая опять скажет, что сын приезжает редко.

— Мы не будем ждать до утра, — сказала она. — Поедем в дежурную часть сейчас. Номер машины, время, приметы. Пусть зафиксируют. Даже если это ничего не даст — это будет не наша частная догадка, а заявление.

Роман кивнул и достал ключи, и они пошли к машине, а над домом номер семь так и не зажёгся забытый фонарь, и в его треснувшем плафоне стояла вода.

Глава 2. Две подписи на бумаге

В дежурной части пахло мокрыми куртками, дешёвым мылом и разогретым пластиком от старого обогревателя. За стеклом сидел мужчина в форме, листал журнал и время от времени поднимал глаза на Ладу с Романом, будто пытался понять, зачем двое взрослых людей приехали в такую погоду не ссору оформлять и не заявление о краже.

Роман положил на стойку ключи, но не сел.

— Нам нужно зафиксировать автомобиль, — сказал он. — Серый универсал, предположительно «Форд Фокус», номер... — Он назвал цифры, сверяясь с запиской в телефоне. — Видел его у дома семь в двадцать два тридцать восемь. Водитель — мужчина, лет сорока, тёмная куртка, без головного убора.

— Предположительно? — переспросил дежурный.

— Номер записан не полностью.

— Тогда это не номер.

Лада достала блокнот.

— Запишите хотя бы ориентировку, время и адрес. Мы не утверждаем, что машина связана с преступлением. Мы сообщаем обстоятельства, которые могут иметь значение для проверки архивного дела.

Дежурный вздохнул, но журнал придвинул. Роман назвал адрес, приметы, направление движения. Лада добавила, что из дома могли вынести документы и что одна из квартир заперта снаружи, хотя хозяйка обычно не уезжает по ночам. Последнее она не стала превращать в обвинение: соседские привычки не были доказательством.

Когда дежурный начал переписывать данные, Роман достал из внутреннего кармана плоский коричневый конверт.

— Есть ещё одно.

Лада посмотрела на него.

— Ты говорил, что у тебя только номер машины.

— Я сказал, что этого достаточно для начала.

— Роман.

Он не отвёл взгляда, но пальцы на конверте сжались так, что бумага тихо хрустнула.

— Это копия свидетельского объяснения. Независимого. Человека, который видел, как из архива выносили коробку в день, указанный в перечне.

Дежурный поднял глаза.

— Оригинал где?

— У него.

— У кого?

— У Сергея Антоновича Вершинина. Бывший техник городской типографии. Объяснение он дал два года назад, когда проверяли пропажу оборудования. В материалах его нет. Я сохранил копию.

Лада медленно повернулась к нему.

— Ты сохранил копию документа, имеющего отношение к свидетельству, и не сказал мне?

— Я не знал, имеет ли.

— Но прочитал.

— Да.

— И решил проверить сам.

— Да.

В его ответе не было оправдания, и оттого он прозвучал хуже. Роман положил конверт на стойку, но не раскрыл его.

— Почему сейчас? — спросила Лада.

Он на секунду посмотрел на дежурного, потом на неё.

— Потому что сегодня увидел человека, которого Вершинин описывал. И потому что понял: если снова промолчу, это будет уже не осторожность.

Лада забрала конверт. Бумага была сухой, краешек — загнутым от долгого хранения. На лицевой стороне стояла дата: двенадцатое октября, два года назад. Ни номера дела, ни фамилии получателя. Внутри оказалась копия на трёх листах, сделанная неровно: нижняя часть второго листа уходила в тень, а на последнем не хватало подписи.

Она прочитала первый абзац. Вершинин сообщал, что вечером двенадцатого октября находился у служебного входа типографии, расположенной через дорогу от старого архивного корпуса. Около девяти часов видел мужчину в серой куртке, который выносил из здания узкую картонную коробку с красной полосой. Мужчина остановился у фонаря, поставил коробку на землю и разговаривал по телефону. Затем к нему подъехал серый универсал.

Лада перечитала дату.

— В перечне стоит пятнадцатое октября.

— В перечне — дата регистрации, — сказал Роман.

— Нет. — Она перевернула копию. — Вот здесь указано: «получено пятнадцатого». А Вершинин видел вынос двенадцатого. Значит, коробка могла покинуть архив раньше, чем мы считали.

— Или он ошибся.

— Поэтому мы проверим.

Дежурный взял лист, не касаясь текста пальцами.

— Вершинин сейчас где?

Роман назвал улицу.

— Я звонил ему час назад, — добавил он. — На его номер никто не ответил.

Лада подняла голову.

— Вы уже звонили?

— Да.

— До того как приехать сюда?

— Я хотел понять, жив ли он и готов ли говорить.

— И что он сказал?

— Он не ответил. Я позвонил соседке, и она сказала, что Сергей Антонович уехал утром.

— Куда?

— Не знает.

Дежурный записал адрес.

— Если свидетельство настоящее, привезите оригинал или попросите Вершинина явиться. Саму копию я приобщу к вашему обращению, но без источника это пока справочная информация.

— Источник есть, — сказала Лада. — Просто сейчас он недоступен.

— Тогда ищите доступным способом.

Сухая фраза закрыла разговор, но не дело. Дежурный поставил время под записью и протянул Роману ручку.

— Подпишите, что сообщили лично.

Роман взял ручку. Перед тем как поставить подпись, он вдруг спросил:

— Если свидетель откажется от своих слов?

— Его право.

— А если на него надавили?

Дежурный посмотрел на него уже внимательнее.

— Тогда принесите факты давления.

Роман подписал.

На улице дождь стал мельче, но холоднее. У крыльца вода стекала по металлическому поручню, и под фонарём блестели следы грязи. Лада не пошла к машине сразу.

— Ты знал Вершинина лично?

— Встречался по работе.

— Где?

— В типографии. Когда проверяли старые регистрационные бланки.

— Почему его объяснение оказалось у тебя?

Роман закрыл машину, хотя они ещё не сели.

— Я снимал копии с материалов внутренней проверки.

— С разрешения?

— Нет.

— Тогда это и есть твой риск?

Он посмотрел на тёмные окна дежурной части.

— Не только. В объяснении есть фраза, которой нет на копии.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел оригинал.

— Что там было?

Роман достал телефон, открыл фотографию и повернул экран к Ладе. Снимок оказался старым, зернистым. На нём виднелся край листа, подпись и часть рукописной приписки внизу.

Лада приблизила изображение.

«Мужчина назвал его по имени — Аркадий».

— Кто такой Аркадий? — спросила она.

— Вот этого я не знаю.

— А почему ты вырезал эту строку из копии?

— Я не вырезал. Копию делал не я.

— Где оригинал?

— У Вершинина был. Я видел его два года назад, когда вернул материалы.

Лада снова посмотрела на фотографию. Внизу, под напечатанным текстом, проступала дата: пятнадцатое октября, двадцать один час десять минут.

— Это объяснение написано не двенадцатого, — сказала она. — Его составили пятнадцатого.

— Свидетель мог видеть двенадцатого, а прийти позже.

— Мог. Но тогда он должен был сказать это прямо. А в копии написано: «в тот же вечер».

Какой именно вечер?

Роман молчал.

В этом противоречии не было красивой тайны. Только три даты, чужая подпись и человек, который, возможно, уже понял, что слишком много увидел. Лада убрала телефон его рукой.

— Едем к Вершинину.

— Если квартира пустая?

— Проверим, кто видел его последним. И ты больше ничего не будешь держать при себе.

— Согласен.

— Не обещай. Покажи.

Роман открыл пассажирскую дверь, дождался, пока она сядет, и только потом обошёл машину. Прежде чем включить двигатель, Лада внесла в блокнот новый источник: копия объяснения Вершинина, переданная Романом Лавровым в дежурной части в двадцать три часа двенадцать минут; подтверждает, что свидетель видел вынос коробки не позднее двенадцатого октября, но содержит несовпадение дат составления и подписи.

Она закрыла блокнот, и машина тронулась в сторону старого типографского квартала, где в пустой квартире Сергея Антоновича Вершинина их уже ждала первая проверка того, кто именно боялся этого свидетельства.

У старого типографского квартала дождь стал мельче, но от этого не тише. Он шуршал по крыше машины, цеплялся за дворники и стекал с кирпичных стен в чёрные полосы. Роман свернул во двор между бывшей наборной мастерской и домом с облупленной вывеской «Ремонт обуви». В глубине горело одно окно — на втором этаже.

— Это его квартира? — спросила Лада.

— По адресу из старой карточки. Двадцать семь, второй этаж. Я был там два года назад, когда возвращал материалы.

— Ты видел саму квартиру или только дверь?

— Дверь. Вершинин принял папку на лестнице.

Роман заглушил двигатель. Они вышли под дождь. В подъезде пахло мокрой штукатуркой и чьим-то поздним ужином. Домофон не работал: на месте кнопок торчали пустые гнёзда, а входную дверь удерживал деревянный клин. Лада задержалась у почтовых ящиков, сверяя номера на потемневших табличках.

На двадцать седьмой была наклеена узкая полоска бумаги с фамилией «Вершинин». Бумага отсырела по краям, но фамилия читалась.

Роман постучал. Сначала костяшками, потом ладонью, не сильно. Из-за двери не донеслось ни шагов, ни движения замка.

— Сергей Антонович? — позвал он.

Лада подняла руку, останавливая его.

— Не надо звать его снова. Если там кто-то есть, мы только напугаем.

Они подождали. На лестничной площадке скрипнула дверь напротив. Показалась женщина в тёмном домашнем кардигане. Она держалась за перила и смотрела на них настороженно.

— Вы к Сергею Антоновичу? — спросила она.

— Да, — ответила Лада. — Мы из архива. Хотим уточнить несколько вопросов по старым материалам. Вы знаете, дома ли он?

Женщина осталась на месте.

— Не знаю. Давно его не видела.

— Когда именно?

— Неделю. Может, больше.

Роман чуть повернул голову к Ладе. Она достала блокнот, но пока не стала писать.

— Вы соседка?

— Дверь напротив. Только мы не общались почти.

— А раньше видели, когда он уходил или возвращался?

Женщина поджала губы.

— Иногда. Он тихий. Всегда здоровался.

— Мы пытаемся установить, кто видел его последним, — сказала Лада. — Это важно. Ничего от вас не требуют, и мы не просим делать выводы. Только рассказать, что вы заметили.

Женщина посмотрела на дверь Вершинина. За ней по-прежнему было тихо.

— В прошлый четверг он вышел поздно. Без пальто, в одной рубашке. Я как раз мусор выносила. В руках у него была папка, коричневая такая. Он всё оглядывался.

— Вы запомнили день недели? — спросила Лада.

— Потому что в четверг у меня сын забирает внучку с занятий. Я тогда ждала звонка и смотрела на часы. Было без десяти девять.

— Он куда пошёл?

— Вниз. На улицу. Я не следила.

— С кем-нибудь говорил?

Женщина замялась. Потом отвела глаза.

— У подъезда стоял мужчина. Не наш. Тёмная куртка, капюшон. Сергей к нему подошёл. Тот назвал его... — Она осеклась.

Лада не торопила.

— Назвал по имени? — спросил Роман.

— Не знаю. Я услышала «Аркадий». Или «Аркадьевич». Они говорили тихо. Потом Сергей отдал ему папку.

Лада записала время и формулировку, оставив рядом пустое место для даты.

— Вы видели лицо мужчины?

— Нет. Он стоял спиной.

— Машину?

— Серую. Универсал. Но я в машинах не разбираюсь.

Роман не подался вперёд, хотя Лада заметила, как напряглась его рука у бедра.

— Вы помните номер? — спросила она.

— Нет.

— Тогда так и запишем: номер не видели. Вы готовы подтвердить рассказ письменно?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Женщина крепче взялась за перила.

— Почему? — спросила Лада.

— Потому что мне уже звонили. Позавчера. Спросили, не видела ли я Сергея. Я сказала, что нет.

— Кто звонил?

— Мужчина. Представился из управляющей компании, будто проверяет жильцов. Но назвал меня по имени и спросил, одна ли я дома.

Лада закрыла блокнот.

— Вы сообщили об этом кому-нибудь?

— Кому? Номер был скрыт. Может, и правда управляющая компания.

— Они назвали фамилию?

— Нет. И про Сергея спрашивали. Не про трубы, не про счётчики.

Роман посмотрел на неё.

— Вы сказали им про папку?

— Нет. Я тогда ещё не вспомнила. А теперь, если напишу заявление, они поймут, что я всё-таки видела.

— Понимаю, — сказала Лада. — Мы не будем просить вас рисковать. Могу записать только то, что вы готовы подтвердить, без адреса и имени. Но анонимная запись не заменит показаний, если дело дойдёт до проверки.

— А если не анонимно?

— Тогда ваши данные будут в документе. Я не стану обещать, что никто их не увидит.

Женщина молчала. За её спиной щёлкнуло что-то в квартире, и она вздрогнула, обернувшись. Ничего не произошло: только батарея отдала сухим металлическим звуком.

— Я могу написать для себя, — сказала она наконец. — Дата, время, что видела. И оставить у себя. Если вы сначала выясните, что с ним.

— Это разумно, — ответила Лада.

Роман достал телефон, но не стал включать запись.

— Можно хотя бы уточнить: в тот вечер он назвал мужчину Аркадием или мужчина назвал так его?

— Мужчина сказал: «Аркадий, ты обещал». Вот что я услышала. А Сергей ответил: «Я ничего не обещал». Потом они ушли в разные стороны.

Лада снова раскрыла блокнот. На этот раз рядом с показанием она пометила: «Со слов соседки; письменного подтверждения пока нет». Ниже внесла её просьбу не указывать имя без согласия. Женщина следила за ручкой, словно и эти строки могли однажды оказаться против неё.

Когда они спустились, Роман остановился у выхода.

— Я видел его два года назад, — сказал он. — Он не говорил, что у него есть соседка, которая запомнит разговор.

— Он не обязан был отчитываться перед тобой о соседях.

— Я понимаю.

Лада убрала блокнот во внутренний карман.

— Теперь у нас есть независимый рассказ о папке и о слове «Аркадий». Но это не подтверждает, что мужчина тот самый водитель. И не объясняет даты в копии.

— Зато подтверждает, что Вершинин мог передать кому-то материалы после того вечера.

— Мог. Это отдельная запись, не вывод.

Роман открыл дверь подъезда, пропуская Ладуну вперёд. Она задержалась на пороге и посмотрела на тусклый фонарь над двором: лампа мигнула, но не погасла.

— До утра мы её не оставим, — сказала она. — Сначала зафиксируем звонок через полицию, если она согласится. Потом проверим, кто звонил по линии управляющей компании. Не через знакомых и не по твоим старым контактам.

— Хорошо.

На этот раз Лада не попросила его ничего доказывать. Она уже внесла в блокнот новое свидетельство и его ограничения. До машины они дошли молча; за спиной, на втором этаже, соседка так и не закрыла дверь.

На втором этаже наконец закрылась дверь соседки. На улице дождь стал мельче, но ветер гнал его под козырёк. Машина стояла у бордюра, зажата между фургоном и серебристой «Ладой». Роман открыл пассажирскую дверь и только тогда спросил:

— Ты думаешь, она позвонит?

— Думаю, она услышала, что мы не собираемся делать вид, будто её просьбы не было.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Лада села и пристегнулась. На стекле расплзались капли; двор за ними складывался в мутные прямоугольники, и каждый фонарь казался дальше, чем был на самом деле. Роман не заводил двигатель. Он положил телефон на колено, экраном вверх, но не коснулся его.

— Я могу позвонить в дежурную часть и сказать, что соседка согласна на регистрацию звонка, если её имя не попадёт в открытый документ.

— Она пока не согласилась.

— Она сказала, что подумает.

— Это и значит, что пока не согласилась.

Роман убрал телефон в карман.

— Хорошо. Тогда поедем туда, где можно спокойно записать всё, что она рассказала. Не в машине.

Лада посмотрела на него. В тоне не было прежней торопливости, но она знала, как быстро та возвращалась, стоило появиться имени, которое можно было связать с папкой.

— Сначала ты расскажешь мне про Аркадия, — сказала она. — Не то, что предполагаешь. То, что знаешь.

Роман завёл двигатель. Дворовой фонарь зажёгся ярче, когда машина повернула к выезду, и на секунду осветил мокрую скамейку под деревом. Потом свет остался за спиной.

— Я знал его как человека, который работал с копиями, — сказал Роман. — Два года назад он однажды пришёл в контору. Не ко мне лично. Ждал в коридоре, пока я выходил от начальника. Спросил, можно ли получить заверенную выписку, если оригинал утрачен.

— Какую выписку?

— Он не сказал. Я ответил, что без номера дела и оснований ничего не оформят. Он спросил, нельзя ли решить вопрос быстрее. Я сказал, что нет.

— Ты отказал ему по правилам?

Роман сжал руль. Двор остался позади; на лобовое стекло легли отражения мокрых витрин.

— Я отказал ему так, чтобы он понял: я не хочу в это влезать.

— Это разные вещи.

— Да.

Он произнёс это без попытки оправдаться. Лада отвернулась к окну. На перекрёстке пришлось ждать: светофор отсчитывал красные секунды, а у остановки девушка держала над головой раскрытую папку вместо зонта. Бумаги, должно быть, промокали по краям, но она не могла убрать их под куртку и одновременно удержать сумку.

— Ты тогда знал, что он связан с нашим делом? — спросила Лада.

— Нет. Даже не знал его фамилии. Услышал имя позже.

— От кого?

Роман выдержал паузу.

— От Вершинина.

Красный сменился зелёным. Машина тронулась, и Лада не сразу ответила. Имя Вершинина уже прозвучало в показаниях соседки, но пока только в пересказанном разговоре. Теперь между ним и Романом обнаруживалась старая связь, слишком слабая, чтобы доказывать что-либо, и достаточно близкая, чтобы обойти её нельзя было.

— Когда он тебе сказал?

— После того вечера, который мы обсуждали. Через несколько дней. Он спросил, встречал ли я человека по имени Аркадий. Я ответил, что видел его в конторе, но ни с чем ему не помогал.

— Ты записал этот разговор?

— Нет.

— Кому-нибудь сообщил?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это показалось мелочью. Человек задал вопрос о копии, я отказал. Вершинин спросил, знакомо ли мне имя. Я решил, что дальше это не касается меня.

Лада достала блокнот, но писать не стала.

— А теперь касается?

— Теперь я не уверен, что это было отдельным разговором.

— Не подменяй отсутствие уверенности выводом.

— Я не подменяю.

— Пока подменяешь. Ты уже связал её показания со своим разговором, хотя не знаешь, был ли тот человек тем же Аркадием.

Роман кивнул и сбавил скорость перед пешеходным переходом. Женщина с прозрачным пакетом перебежала дорогу, прижимая к груди маленькую коробку.

— Запишем как два разных источника, — сказал он. — Соседка слышала имя в споре. Я видел человека, который назвался Аркадием или был назван так Вершининым, — тут я тоже должен уточнить. Но я не могу утверждать, что это один человек.

— А дата?

— Разговор с Вершининым — примерно через несколько дней. Точную дату не помню.

— Значит, не «через несколько дней». Пишем: «ориентировочно после», пока не проверим календарь.

— Ты всё ещё собираешься проверять?

— Да. Только не через твои старые контакты.

Он ничего не ответил. Дождь постукивал по крыше, печка выдувала тёплый воздух с сухим запахом пыли. Лада наконец открыла блокнот и на чистой странице записала адрес дома, время визита, содержание рассказа соседки и её просьбу не называть имя без согласия. Отдельно поставила дату сегодняшнего разговора. Ниже оставила пустую строку для подтверждения звонка в управляющую компанию.

— Ты не записала, что я видел Аркадия, — заметил Роман.

— Я записала, что ты помнишь разговор с человеком, который спрашивал о выписке. Имя услышал позже от Вершинина. Это точнее.

— И хуже выглядит.

— Для кого?

Он не ответил сразу. На следующем перекрёстке включил поворотник, хотя полоса была свободна.

— Для меня, — сказал он наконец. — Если окажется, что Вершинин передал ему материалы, я буду тем, кто знал о странном запросе и промолчал.

— Ты не знал, что запрос связан с делом.

— Но теперь могу проверить, не осталось ли записи о посетителе.

— Самостоятельно не проверяешь.

— Понял.

Лада закрыла блокнот. Она не знала, усвоил ли он запрет или просто принял его на этот вечер. Но теперь у неё было ещё одно проверяемое направление: журнал посетителей конторы и дата разговора с Вершининым. Не доказательство связи, не подтверждение передачи, даже не уверенность, что имя принадлежало тому же человеку. Только конкретные записи, которые можно было запросить официально.

Роман остановился у обочины возле круглосуточного магазина. За запотевшим стеклом продавец перекладывал пачки сигарет в металлический ящик.

— Я могу позвонить в контору утром и попросить сохранить журнал за тот период, — сказал он. — Не просматривать. Только сохранить.

— Ты можешь передать мне название организации и годы хранения. Запрос оформлю я.

— Хорошо.

Лада достала телефон и внесла напоминание: уточнить порядок получения копии журнала посетителей; не запрашивать материалы через Романа. Рядом с напоминанием поставила знак вопроса: срок хранения неизвестен.

Роман посмотрел на экран, но не спросил, что именно она записала. В этом молчании не было согласия с каждым её решением. Было только то, что он не стал отнимать у неё право принять его самой.

— А сейчас? — спросил он.

— Сейчас фиксируем то, что уже известно. Если соседка сама решит говорить с полицией, свяжемся с дежурной частью вместе. До этого её имя никуда не передаём.

— А звонок управляющей компании?

— Утром запросим журнал обращений официально. Если там не окажется записи, это тоже будет результатом, но не доказательством, что звонившего не было.

Роман тронулся с места и повёл машину к отделению. Лада держала блокнот на коленях, прикрыв ладонью страницу от капель с его рукава. Впервые за вечер у них появились не только слова очевидца, но и перечень действий, которые могли подтвердить или опровергнуть отдель-

ные части рассказа. Между ними, однако, лежал другой факт — Роман уже однажды решил, что подозрительный вопрос не заслуживает записи, и теперь не мог знать, чем обернулось его молчание.

У входа он заглушил двигатель.

— Это надо будет внести в объяснение, — сказал он.

— Да.

— Даже если там будет выглядеть так, будто я что-то скрывал.

— Особенно тогда. Но сначала установим точные даты. Не заполняй пробелы за себя, как не заполняешь их за Вершинина.

Роман положил ключи на панель и на секунду задержал на них руку. Потом убрал её.

— Пойдём, — сказал Роман.

Лада взяла блокнот. Они вышли под дождь по отдельности, не касаясь друг друга, и вместе вошли в здание, где каждое слово предстояло отделить от предположения.

Дежурный поднял голову, когда они вернулись к стойке. На часах за его спиной было без десяти двенадцать. Он уже убрал журнал в ящик и теперь дописывал что-то в листе, прижимая его ладонью, чтобы тот не сдвигался от сквозняка.

— По машине, — напомнил Роман. — И по времени.

— Я понял. Только давайте без «нам известно», если вам известно не всё.

— Поэтому мы и пришли.

Лада раскрыла блокнот на чистой странице и положила рядом телефон. На экране осталась записка Романа с цифрами, среди которых один знак был обведён вопросом. Она не стала переписывать номер. Сначала записала адрес, затем время и приметы, оставляя между строками место для уточнений.

Дежурный сверил запись с его словами и спросил, откуда взялось время.

— Посмотрел на часы, когда машина остановилась, — сказал Роман. — Потом проверил в телефоне. Точное время сохранено в журнале звонков: в ту минуту я отправил сообщение.

— Кому?

— Ладе.

Та подняла глаза. Роман не посмотрел на неё; он достал телефон, открыл переписку и развернул экран к дежурному. Сообщение было коротким: «У дома». Время — 22:38.

— Это подтверждает, что в 22:38 вы отправили сообщение, — сказала Лада. — Не то, что машина была там.

— Да, — ответил Роман.

Дежурный поставил рядом с записью маленькую галочку.

— Вот так и пишем. Время со слов заявителя, дополнительно подтверждено отметкой на телефоне. Номер неполный, марка предположительная. Водителя вы могли рассмотреть?

— Через лобовое стекло, когда он выходил. Потом видел сбоку.

— Как долго?

Роман задумался.

— Несколько секунд. Может, полминуты. Он не смотрел на меня.

— Значит, узнавать в лицо не возьмётесь?

— Нет.

Лада записала ответ. Вопрос был простым, но в нём легко было подменить короткий взгляд уверенным узнаванием. Роман этого не сделал.

— А почему вы считаете, что это может быть Вершинин? — спросил дежурный.

— Я пока не считаю. — Роман подвинул телефон к себе. — У меня есть причина проверить, совпадает ли машина с ним. Это отдельный вопрос.

— Хорошо. Причину изложите в объяснении. Без догадок о том, что он собирался делать.

На стол легли два чистых бланка. Дежурный предложил писать по отдельности, чтобы каждый изложил только то, что видел и помнил. Лада взяла ручку. Роман сел за соседний стол, оставив между ними пустой стул.

Она начала с адреса и времени, затем подробно описала, когда впервые увидела серую машину и как выглядел водитель. В какой-то момент поймала себя на том, что выводит фразу «вероятно, он ждал», и остановилась. Водитель мог ждать. Мог читать сообщение. Мог просто сидеть в машине. Лада зачеркнула незавершённую строку и продолжила с наблюдаемого: фары были выключены, двигатель работал, автомобиль стоял у дома семь.

Когда она подняла голову, Роман всё ещё писал. На его листе не было быстрых исправлений; он выводил строки медленно, будто каждое слово требовало отдельного решения.

— Готовы? — спросил дежурный.

Они подошли к стойке по очереди. Лада подписала своё объяснение и указала, что номер автомобиля записан не полностью. Роман прочитал свой текст ещё раз, а потом поставил подпись под абзацем, в котором упоминал прежний разговор с Вершининым.

— Здесь вы пишете, что он спрашивал о журнале выдачи, — сказал дежурный. — Когда?

— Не могу назвать дату точно. Это было до того, как я увидел машину у седьмого дома.

— Насколько раньше?

Роман провёл пальцем по краю листа.

— В пределах месяца. Кажется, в архиве. Он спросил, можно ли по старой записи установить, кто получал папку.

— Почему вы не зафиксировали это тогда?

— Решил, что вопрос обычный. Не помню, чтобы он назвал конкретный номер дела. Теперь понимаю, что мог не придать значения деталям.

— «Мог» — оставим. Восстановите, пожалуйста, что именно он сказал.

Роман закрыл глаза на секунду, потом пересказал вопрос почти дословно. Лада не вмешивалась. Она знала только то, что Роман рассказывал ей сегодня вечером; как именно прозвучала фраза тогда, при них не было.

— А кто ещё мог слышать? — спросил дежурный.

— Люди в читальном зале. Но я не уверен, кто там был.

— Камеры?

— В архиве есть камера у входа. Запись хранится недолго.

Лада посмотрела на Романа. Вот это уже было не предположение о намерениях Вершинина, а проверяемое обстоятельство.

— Тогда я попрошу сохранение записи, — сказала она. — Официально. Сегодня отправлю письмо, чтобы не потерять срок хранения.

— Отправьте от учреждения, не от себя, — уточнил дежурный. — И укажите конкретный промежуток времени. Если запись ещё есть, пусть сохранят без изменений.

Лада кивнула и занесла это в блокнот. Вопрос о журнале приобрёл дату, место и возможный независимый источник. Но пока в их распоряжении оставалась только память Романа, а он сам не выдавал её за доказательство.

— Свидетельницу из дома семь мы не будем называть, — сказала Лада. — Она рассказала нам о машине, но не давала согласия на обращение в полицию.

— Мы пока и не просим её имя, — ответил дежурный. — Если она решит сообщить сведения сама, пусть позвонит или придёт. Вы можете передать ей номер дежурной части, не подталкивая и не пересказывая ей, что именно нужно говорить.

— Так и сделаем.

Роман застегнул куртку. Его объяснение осталось у дежурного; на руках у него не было ни копии, ни возможности забрать слова обратно. Уже у выхода он задержался перед дверью.

— Если запись покажет, что я ошибся с тем разговором, — сказал он, — я приду и уточню.

— Не после того, как она что-то покажет, — ответила Лада. — Если вспомнишь точнее — тоже.

Он посмотрел на неё.

— Хорошо.

На улице дождь почти прекратился, но с козырька ещё падали крупные капли. Лада убрала блокнот во внутренний карман, прикрыв страницу ладонью. В ней теперь было два объяснения, разделённых подписью каждого, и одна задача, которую можно было выполнить до утра: не дать исчезнуть записи с камеры.

Роман открыл машину, но не сел за руль сразу.

— Я не знаю, зачем Вершинин спрашивал о журнале, — сказал он.

— Теперь это записано как то, чего ты не знаешь.

— А если я вспомню, что пропустил?

— Тогда дополним. Только не будем заранее выбирать, чем это должно оказаться.

Он кивнул и повернул ключ. Лада пристегнула ремень, достала телефон и открыла почту. Пока машина выезжала со стоянки, она составила обращение в архивную службу: просила сохранить запись с камеры у входа за указанный промежуток и до получения официального запроса ничего с ней не делать.

Адрес получателя она проверила дважды. Потом нажала «Отправить».

В ответ почти сразу пришло автоматическое подтверждение о доставке. Это не доказывало, что нужная запись ещё существует, но теперь у неё был сохранённый запрос и время его отправки.

— Завтра утром проверю, что письмо принято в работу, — сказала Лада.

— А я ещё раз восстановлю разговор. Не буду подставлять дату, если не вспомню.

— И правильно.

За стеклом проплыли мокрые фасады и редкие фонари. Роман не стал говорить, что теперь всё будет проще. Лада не спросила, жалеет ли он о своей прежней небрежности. Их положение изменилось не оттого, что они нашли ответ, а потому, что впервые оставили след, который можно было проверить независимо от их памяти. За этим следом уже нельзя было наблюдать со стороны: каждый из них поставил под ним своё имя.

До перекрёстка Лада не открывала почту снова. Подтверждение доставки уже лежало в отправленных, и проверка каждые две минуты не прибавила бы ему веса. Она убрала телефон в сумку, а блокнот оставила на коленях, придерживая большим пальцем страницу с записью из дежурной части.

— Куда теперь? — спросил Роман.

— К архиву. Утром там можно будет проверить, приняли ли запрос. А сейчас — к дому семь.

— Мы уже были там.

— Мы видели машину из окна и женщину за дверью. Но не спросили, кто ещё мог видеть улицу.

Роман включил поворотник. На мокром стекле мигнул оранжевый свет.

— Соседка?

— Если она согласится говорить. И если её слова будут словами, а не тем, что мы хотим услышать.

Он не ответил сразу. На соседнем сиденье лежал его телефон с открытой заметкой, где остались неполные цифры номера. Роман посмотрел на экран, затем заблокировал его.

— Я могу сначала рассказать, что именно помню про Вершинина, — сказал он. — Пока не зашёл домой и не начал сам себе объяснять, почему он спрашивал про журнал.

Лада повернулась к нему.

— Расскажи.

— Он стоял у архивного входа. Спросил, тот ли это журнал, где записывают выдачу старых дел. Я ответил, что не знаю, что он имеет в виду. Тогда он сказал: «Там же всё по правилу». Я спросил, по какому. Он посмотрел на меня так, будто я сам должен был помнить, и ушёл.

— Когда?

— Не знаю точно. До того разговора в коридоре или после. Я не хочу поставить дату наугад.

— Тогда пока запишем порядок событий, который ты помнишь, и отдельно — что дату не помнишь.

— Это прозвучит жалко.

— Зато не превратится в ложную точность.

Роман чуть сильнее сжал руль. Машина прошла лужу, вода хлестнула по арке.

Дом семь стоял в конце короткого проезда, за низкой оградой. Свет горел только на первом этаже. Лада попросила Романа не парковаться у подъезда и выйти вместе с ней: если соседка не захочет разговаривать, они уйдут. Он кивнул и выключил двигатель.

В подъезде пахло сыростью и варёной капустой. На площадке второго этажа Лада нажала звонок. Долго никто не открывал. Потом за дверью щёлкнул замок, но дверь распахнулась лишь на ширину цепочки.

— Опять вы, — сказала женщина в халате. Её лицо Лада видела раньше, но имени так и не узнала.

— Простите, что поздно. Мы хотим уточнить, заметили ли вы машину у дома сегодня вечером.

— Я уже говорила: сын приезжает редко.

— Мы не просим вас подтверждать, кто был за рулём. Только то, что вы лично видели. Женщина перевела взгляд на Романа.

— А этот зачем?

— Он видел машину и записал время, — ответила Лада.

— Значит, уже решили, что это он.

— Нет, — сказал Роман. — Я записал только то, что заметил. Номер неполный. Водителя я раньше не видел.

Женщина недоверчиво прищурилась.

— А тогда чего пришли?

Лада не стала отвечать про исчезающее свидетельство и закрытые дела. В эту дверь она не могла принести больше, чем у них было.

— Уточнить, не видели ли вы, откуда машина приехала и сколько стояла. Если не хотите говорить — мы уйдём.

Цепочка звякнула. Женщина открыла дверь ещё на ладонь.

— Серебристая была. Не серая.

— Возможно, при этом свете цвет выглядит иначе, — сказала Лада. — Вы видели её раньше сегодня?

— Слышала. Встала у бордюра, потом хлопнула дверь. Я у окна стояла.

— Во сколько?

— После десяти. Я сериал смотрела, закончилась серия, а реклама ещё шла.

Роман достал блокнот, но не приблизился.

— Я видел машину в двадцать два тридцать восемь, — сказал он. — Не знаю, та ли она.

— А я, значит, знаю? — резко спросила женщина. — Не записывайте меня так, будто я вам должна.

— Не буду, — ответил он и убрал блокнот.

На несколько секунд стало слышно, как в квартире за её спиной бубнит телевизор. Женщина посмотрела на Ладу, словно проверяя, собирается ли та давить дальше.

— Я видела не сегодня, — произнесла она наконец. — В прошлую среду. Может, во вторник. Такая же машина у ворот стояла. Мужчина вынес из подъезда картонную коробку и положил назад, в багажник.

— Вы видели лицо? — спросила Лада.

— Нет. Он был в капюшоне.

— Коробка была с надписями, наклейками, чем-нибудь отличалась?

— Обычная коробка. Я не разглядывала. Только он её нёс так, будто тяжёлая. Потом вернулся без неё.

— Вы видели, куда он поехал?

— Нет. Я на кухню ушла.

Лада не записывала это как связь с архивом. Коробка могла быть любой, мужчина — кем угодно, а день женщина не назвала. Но одно было важно: машину у дома она видела раньше, чем Роман записал свой неполный номер.

— Можно оставить вам номер, чтобы мы позже уточнили день? — спросила Лада.

— Нет. Я не хочу никуда ездить.

— Не нужно никуда ехать. Если вы решите, что готовы назвать дату точнее, позвоните. Пока я запишу только ваши слова и укажу, что день вы не помните.

Женщина прикрыла дверь.

— И не пишите про сына. Я его не видела.

— Не будем.

Цепочка снялась с крючка, замок повернулся. Лада подождала, пока за дверью стихнут шаги, и только тогда открыла блокнот.

— Она не подтвердила, что машина сегодняшняя, — сказал Роман.

— И не подтвердила, что в коробке были документы.

— Зато машина была у дома и раньше.

— По её словам. Пока без точной даты и без лица водителя.

Он прислонился плечом к стене. На его рукаве блестели капли дождя.

— Если в среду я был в архиве, она могла стоять здесь в тот же вечер.

— Могла. Но мы пока не знаем, когда она стояла и кто её вёл.

— Я мог видеть её раньше. И не запомнить.

Лада закрыла блокнот. Он назвал не оправдание, а возможность, которая его пугала. Разница была небольшой, но слышимой.

— Это нужно проверить по твоим записям и по камерам, если запись сохранилась, — сказала она. — Не по памяти на ночь глядя.

— А если я вспомню, что в тот вечер Вершинин был у входа?

— Тогда запишем, когда именно вспомнил, и что именно. Но не будем придавать воспоминанию чужую точность.

Они спустились на улицу. Дождь почти закончился. Роман открыл машину, но прежде чем сесть, снова достал телефон и открыл записку.

— Я не дописал одну вещь, — сказал он. — Когда Вершинин спросил про журнал, он уточнил, кто имеет право исправлять запись задним числом.

Лада остановилась.

— Ты этого не говорил в дежурной части.

— Я вспомнил сейчас. Не раньше. Он спросил не про выдачу дела, а про исправления. Я ответил, что исправления заверяются подписью. Он сказал: «Значит, правило всё-таки есть».

— Ты уверен в словах?

— В этих — да. В дате — нет.

Лада достала блокнот и провела черту ниже записи о соседке.

— Тогда это отдельное дополнение. С сегодняшним временем. И с пометкой, что сначала ты вспомнил вопрос о журнале, а эту реплику — уже после разговора с ней.

Роман кивнул. Пока Лада писала, он не смотрел ей через плечо и не просил подобрать формулировку получше. Когда она закончила, он прочёл запись и подтвердил её подписью.

Под фонарём у ворот листва блестела, а в треснувшем плафоне темнела вода. Никакого знака в этом не было. Просто свет падал на мокрый асфальт, и в его круге обе подписи на бумаге оставались разборчивыми.

Глава 3. Исправление собственной версии

У ворот Лада остановилась, уже взявшись за ручку машины.

— Мы ведь не спросили, что именно он исправлял, — сказала она.

Роман посмотрел на неё поверх крыши. Дождь стих, но с ветвей на капот ещё падали редкие капли.

— В дежурной части?

— Нет. У соседки. Она сказала, что сын приезжает редко. Мы услышали «сын» и сразу решили, что серая машина его. А если она говорила о другом?

Роман убрал ключи в карман.

— Ты права. Мы не знаем, кому принадлежит машина.

— И не знаем, кто уехал. Только номер, время и то, что видели.

Лада открыла блокнот. Под записью о машине добавила уточнение: личность водителя не установлена, связь с сыном соседки не подтверждена. Чернила чуть расплылись на влажной бумаге. Она подождала, пока запись подсохнет, и только тогда закрыла блокнот.

— В дежурной части я сказал, что мужчина мог быть сыном, — напомнил Роман. — Это тоже надо исправить.

— Не исправить. Дополнить. Первую запись оставим как есть.

Он кивнул. Лада уже видела, как он собирается предложить поехать обратно одному, чтобы не задерживать её, и заранее устала от этой заботы, в которой иногда слышалось желание решить за двоих.

— Вместе, — сказала она. — Мы оба там говорили.

В дежурной части дежурный сменился. За стойкой сидела женщина с собранными в тугой хвост волосами; у её локтя стоял остывший чай. Она выслушала Ладку, перелистала журнал и сверила время первой записи.

— Дополнение внесём сегодняшним числом, — сказала она. — Первоначальное заявление не переписываем. Подпишите оба.

— Так и нужно, — ответила Лада.

Роман поставил подпись первым. Рука у него не дрогнула, но на последней букве он задержался, словно проверял, не подменилось ли слово. Лада подписала следом.

— Номер автомобиля передадим патрулю, — сказала дежурная. — Если появится подтверждение, вам сообщат. Пока в записи будет только то, что вы наблюдали.

— Спасибо.

Лада забрала копию дополнения. Бумага была тонкой и пахла тонером. В коридоре Роман задержался у окна, не предлагая ей ни руку, ни объяснение.

— Я хотел, чтобы мы успели до утра, — сказал он.

— Мы успели зафиксировать увиденное. Это не одно и то же, что успеть остановить человека.

Он опустил взгляд на ключи в ладони.

— Знаю.

— Тогда не делай вид, будто ответственность за эту путаницу только моя. Ты тоже решил, что это сын.

— Я решил, что так вероятнее.

— Вероятность не становится фактом, если мы оба на неё смотрим.

Он ничего не ответил. Лада не стала смягчать слова; от этого они не делались менее справедливыми.

В архив они вернулись уже после десяти. Лада включила свет в кабинете и положила копию заявления рядом с журналом обращений. Из-за мокрых рукавов от одежды тянуло улицей. Роман повесил куртку на спинку стула и остался стоять, пока она раскрывала папку с перечнем из второго тома. Номер другого дела по-прежнему был выписан внизу, без названия и без связи со свидетельством.

— Ты думаешь, это связано с тем вопросом? — спросил он.

— Думаю, он относится к делу. Связь со свидетельством мы пока не доказали.

Она нашла лист с регистрационными отметками. В папке лежала архивная копия журнала выдачи: кому, когда и на каком основании предоставляли материалы. Лада сверяла номера, когда впервые заметила расхождение. Тогда оно показалось ей технической ошибкой: в одном столбце стояли инициалы, в другом — номер дела, а две строки были заполнены разным почерком. Она сняла копию и приложила к папке, не делая выводов.

Теперь Лада достала этот лист.

— Вот это мы проверим, — сказала она. — Не по памяти и не по тому, что удобнее связать.

Роман придвинул стул, но сел не сразу.

— Я могу сверить номера.

— Можешь. Только пиши отдельно, что сверил. Не подсказывай мне, что я должна увидеть.

Он сел. Они работали молча: Лада читала запись за записью, Роман проверял номера по перечню. На шестой странице он остановился.

— Здесь не сходится.

Лада наклонилась к его экземпляру. В строке за прошлый месяц стоял номер дела, который она отметила ещё во втором томе. Рядом были дата, время выдачи и инициалы получателя. В графе основания — «ознакомление по служебному запросу». Номер запроса повторялся в приложенном листе. На копии виднелись заверительная подпись и печать архива.

Она проверила лист ещё раз, потом сверила номер с перечнем. Совпадали все цифры.

— Это не доказывает, что человек читал именно дело о свидетельстве, — сказал Роман.

— Нет. Но доказывает, что дело с этим номером выдавали по служебному запросу. И что наша прежняя версия о случайном совпадении номеров не выдерживает проверки.

Лада внесла запись в журнал: источник, дату, номер страницы, место хранения копии. Отдельно указала, что содержательная связь с пропавшим свидетельством не установлена. Роман не торопил её и не предлагал более уверенную формулировку.

Когда она закончила, часы показывали без четверти одиннадцать. Лада убрала рабочий журнал обращений в шкаф, повернула ключ и проверила замок. Копию оставила в рабочей папке, а заявление о машине положила рядом.

— Значит, один человек действительно запрашивал это дело, — сказал Роман.

— Кто-то с правом служебного запроса. Имя есть в записи, но нам сначала надо подтвердить, что инициалы прочитаны верно.

— А если подтвердятся?

— Тогда будем проверять, что именно он получил и на каком основании.

Роман посмотрел на неё.

— И если это окажется не тем, что мы думаем?

— Тогда мы запишем и это.

Он кивнул, но прежняя лёгкость между ними не вернулась. Впервые за вечер Лада заметила, что Роман держит руки на коленях, сцепив пальцы, будто опасался случайно коснуться папки. Она не стала притягивать его к себе ни вопросом, ни утешением. Сейчас важнее было не перепутать сочувствие с разрешением закрыть глаза на ошибку.

За окном дождь снова усилился. На стекле дрогнуло отражение настольной лампы, и на секунду Ладе показалось, что свет качнулся, хотя фонарь во дворе горел ровно.

Она закрыла рабочую папку, оставив на столе копию страницы с регистрационной отметкой. Их первая версия рассыпалась; запись в журнале осталась.

После работы в архиве Роман отвёз Ладу к дому, где она оставила машину, и дождался, пока она отопрёт дверь подъезда. Она не предложила ему подняться. Он не спросил, почему.

Наутро дождь не прекратился. Он только стал мельче, будто город накрыли мокрой серой тканью. Лада пришла в архив раньше обычного и включила настольную лампу. Вчерашнюю копию страницы она положила отдельно от рабочего журнала: бумага была сухой, но по краю остался след от капли.

Инициалы в регистрационной отметке по-прежнему можно было прочесть двояко. Первая буква походила и на «Л», и на плохо написанную «И»; вторая могла быть «К» или «Р». Ошибка в одном штрихе превращала фамилию в чужую.

Лада достала карточку дела, сверила номер, затем ещё раз просмотрела перечень из второго тома — нет, из папки, которую они получили по прежнему запросу. Никакого имени там не было. Только номер другого дела, аккуратно переписанный внизу списка.

Она закрыла папку.

В дверь постучали. Роман вошёл, отряхивая с рукава мелкие капли.

— Я принёс копию журнала выдачи, — сказал он. — Ту, которую вчера запросил у заведующей. Она завершила страницу утром.

Он протянул ей прозрачный файл. Лада не стала брать его сразу.

— Ты проверил, что это именно тот журнал?

— Номер фонда и период сверил. Запись стоит на соседней странице с тем же делом. Вот заверительная отметка и подпись.

Лада вынула лист, положила рядом с копией регистрационной карточки и сравнила номера. Совпадали не только номер дела, но и дата выдачи. В журнале значилось, что папку получил сотрудник с правом служебного доступа. В графе основания стоял тот же номер запроса, который Лада нашла накануне.

Она провела пальцем по строкам, не касаясь чернил.

— Значит, совпадение исключено, — сказала она.

— Да. Дело действительно выдавали по этому запросу.

— Но мы пока не знаем, что человек с ним делал.

— И кто именно читал.

Слова прозвучали просто, без попытки утешить её. Лада посмотрела на Романа. Он снял мокрую куртку и повесил на спинку стула, потом отступил от стола, оставляя ей место.

— В дежурной части ты сказал, что тот мужчина мог быть сыном соседки, — произнесла она.

— Сказал.

— Ты знал, что не уверен?

Роман помедлил.

— Тогда — да. Но я решил, что совпадение достаточно близкое. Машина, время, её слова. Я хотел дать им зацепку.

— Ты дал им человека.

— Да.

Он не отвёл взгляд. Лада почувствовала, как внутри поднимается раздражение, но оно не было чистым: к нему примешалось вчерашнее собственное поспешное заключение. Она тоже связала редкие приезды сына с машиной, хотя соседка не называла водителя. Уверенность Романа не заставила её остановиться. Напротив, она подхватила версию, потому что та удобно укладывалась в уже собранные детали.

— Она может узнать, что мы сообщили, — сказала Лада. — Если заявление пойдёт дальше.

— Я исправлю свою часть.

— Исправишь? Ты не можешь сделать так, будто не произносил этих слов.

— Не могу. Вчера мы уже подписали дополнение: водитель не установлен, связь с её сыном не подтверждена. Но я могу отдельно уточнить, откуда взялось предположение: я слишком узко понял слова соседки.

— Это не отменит первого заявления.

— Нет.

Он произнёс это без защиты, и оттого Ладе стало труднее сердиться. Легче было бы, если бы он спорил, убеждал, что всё равно оказался прав. Но он не оказался прав. Пока не оказался — и не мог знать, станет ли имя сына соседки хоть когда-нибудь частью этой истории.

Лада снова посмотрела на заверенную страницу.

— А эта запись подтверждена.

— Да.

— Значит, хотя бы здесь мы не гадаем.

— Здесь — нет.

Она проверила заверительную подпись, отметила номер страницы и внесла в рабочий журнал источник копии. Рядом записала, что документ подтверждает выдачу дела по служебному запросу, но не устанавливает содержательную связь с пропавшим свидетельством и не подтверждает личность читавшего.

Роман наблюдал молча. На столе возле его локтя лежала ручка, но он не потянулся к ней, пока Лада не повернула к нему лист.

— Подпиши, что получил копию и принёс её сегодня, — сказала она. — Не как участник расследования. Как сотрудник, передавший документ.

Он прочитал запись и расписался. Дата вышла чуть ниже строки. Роман перечитал её ещё раз, затем придвинул лист обратно.

Лада убрала заверенную копию в рабочую папку. Оригинал журнала оставался в шкафу; доступа к нему у них не было и не должно было быть. Она проверила, что копия помечена как копия, а не подшита вместо первичного документа.

— Теперь у нас есть подтверждённая выдача, — сказала она. — Не больше.

— Я понял.

— И имя водителя всё ещё неизвестно.

— Я уточню заявление. Но прежде поговорю с ней.

— Не говори, что мы что-то установили. Мы этого не установили.

— Скажу, что моё предположение было преждевременным.

Лада закрыла журнал. Ей хотелось добавить, что сожаление не убирает последствий, но Роман и так это знал. Она оставила слова при себе.

— Иди в дежурную часть, — сказала она. — Уточни запись сегодня.

Он взял куртку. У двери задержался, будто хотел спросить, придёт ли она с ним, но передумал.

— Я позвоню, когда зарегистрируют дополнение.

— Хорошо.

Роман вышел. Лада слышала его шаги в коридоре, потом шелчок входной двери. На столе осталась заверенная копия с номером дела и подписью сотрудника, получившего папку. Один факт теперь держался не на её памяти и не на его словах. Остальное ещё требовало проверки, а ошибка, которую они внесли в чужую жизнь, никуда не исчезла.

Лада не стала сразу убирать папку. Она ещё раз сверила номер дела на копии с записью в блокноте, хотя уже делала это дважды. Цифры совпадали. Подпись Романа стояла там, где ей следовало стоять: под отметкой о получении, не под чужим свидетельством и не возле слов, которых никто не произносил.

За окном дождь почти прекратился. Вода продолжала стекать с карниза, падая на жестяной отлив с ровными короткими ударами. Лада придвинула к себе телефон и посмотрела на экран. Ни сообщений, ни пропущенных звонков.

Она закрыла папку и убрала её в ящик стола. Потом заперла ящик, проверила ручку и только тогда позволила себе откинуться на спинку стула. В комнате стало тише, но не легче. Лада и раньше понимала, что ошибка Романа уже вышла за пределы их разговора: первое заявление оставалось в деле, а соседка могла узнать об обвинении. Но теперь последствия обрели для неё конкретные лица: женщина, которая могла услышать в его словах обвинение; сосед, чьё имя попало в запись; автомобиль, принадлежность которого не была установлена. И Роман, которому предстояло самому вернуться к этой женщине и признать ошибку.

Телефон завибрировал, когда Лада уже собиралась выключить настольную лампу.

— Дополнение зарегистрировали, — сказал Роман. На заднем плане хлопнула дверь, кто-то поздоровался, и он отошёл в сторону. — Я уточнил, что водитель не установлен. Убрал предположение о сыне из описания.

— Время регистрации?

Он назвал часы и минуты. Лада записала их рядом с номером заявления.

— А с ней поговорил?

Пауза длилась не дольше вдоха, но Лада услышала, как он провёл ладонью по куртке.

— Да.

— Что ты сказал?

— Что поспешил связать машину с её сыном. Что у нас нет подтверждения, кто был за рулём, и я не должен был говорить так, будто оно есть.

— А она?

— Сначала спросила, кто именно это слышал. Я сказал: ты и сотрудник в дежурной части. Она захотела знать, записано ли это. Я ответил, что первоначальная запись есть, но я подал дополнение.

Лада прикрыла глаза. Не от усталости — чтобы не дать голосу измениться прежде, чем она выберет слова.

— Ты сообщил ей, что имя сына уже фигурирует в объяснении?

— Да. Не стал смягчать.

— Как она отреагировала?

— Сказала, что сегодня он не приезжал. Машину она видела утром, но не знает, чья она. И что теперь ей придётся объяснять сыну, почему я спрашивал о нём.

Лада открыла глаза и посмотрела на запертую папку в ящике.

— Это важно. Но пока только её слова.

— Я так и отметил.

— Ты записал разговор?

— В заявлении указал, что поговорил с ней и сообщил об исправлении. Её слова отдельно не записывал. Она не давала показаний и не соглашалась, чтобы я передавал их как установленный факт.

Лада провела ногтем по краю блокнота. Роман не попросил её одобрить разговор. Не сказал, что всё исправил. Это уже имело значение, хотя не делало случившегося меньше.

— Хорошо, что ты не стал записывать за неё то, чего она не подтверждала.

— Я понял это не сразу.

— Но понял.

Снова тишина. Теперь в ней слышалось не ожидание похвалы, а что-то более трудное: Роман оставался на линии, не зная, есть ли у него право на следующий вопрос.

— Она спросила, почему мы вообще решили, что он причастен, — сказал он наконец.

— Я ответил, что мы услышали про редкие приезды сына и слишком быстро соединили это с машиной. Она сказала, что редкие приезды — это не улика.

— Она права.

— Да.

Лада пододвинула блокнот и добавила под временем регистрации: «Роман сообщил соседке об исправлении и отсутствии подтверждённой связи автомобиля с её сыном». Несколько секунд она смотрела на строку, затем приписала: «Слова соседки о машине в объяснение не внесены; подтверждения нет».

— Я всё записала, — сказала она.

— Отправишь мне копию?

— После того как проверю формулировки. Не сейчас.

— Конечно.

Он произнёс это спокойно. Ни просьбы ускорить, ни напоминания, что подпись уже стоит. Лада отметила это так же, как прежде отметила бы неточность: не как перемену характера, а как конкретный поступок, случившийся сейчас.

— Ты собираешься к ней ещё раз? — спросила она.

— Не сегодня. Я сказал, что не буду приходить без необходимости. Если ей понадобится копия дополнения, она сама решит, хочет ли её получить.

— Это правильно.

На этот раз Роман ответил не сразу.

— Я хотел спросить, приедешь ли ты завтра со мной. Но сейчас понимаю, что это было бы удобно мне, а не ей.

Лада посмотрела на телефон. За окном фонарь у ворот отражался в мокром стекле, и его свет дробился на тонкие полосы.

— Завтра мы сначала проверим, как именно зарегистрировано дополнение. Потом решим, что делать дальше. Без визитов только потому, что нам хочется быстрее закрыть вопрос.

— Понял.

— И не называй это закрытым.

— Не буду.

Разговор закончился без обещания, что они увидятся утром. Лада положила телефон экраном вниз, но почти сразу перевернула его обратно и внесла в блокнот номер регистрации, продиктованный Романом. Он позвонил, чтобы сообщить факт, а не просить принять его раскаяние; она услышала разницу и не стала превращать её в прощение.

Из коридора донёсся скрип половицы. Лада поднялась, вышла из кабинета и проверила, закрыта ли дверь архива. Замок сработал с первого раза. В комнате за дверью остались журналы, карточки и копия, уже убранная в запёртый ящик. Ни один из этих предметов не мог ответить, кто сидел в серой машине.

Она выключила свет и задержалась у окна. На улице возле ворот стоял фонарь с треснувшим плафоном. Вода в нём больше не собиралась, но стекло оставалось мутным, и лампа освещала только узкую полосу асфальта.

Лада вышла из архива, заперла дверь и проверила ручку. В блокноте теперь лежали две записи: о неподтверждённой связи машины с сыном соседки и о том, что Роман сообщил ей об исправлении. Первая не стирала сказанного в дежурной части. Вторая не возвращала женщине право услышать эту новость не от человека, которого она уже могла считать обвинителем.

У ворот Лада остановилась под фонарём и посмотрела на телефон. Новых сообщений не было. Она убрала его в карман и пошла к машине, не зная, станет ли Роман завтра ждать её ответа или просто передаст номер регистрации. Пока у неё был только один подтверждённый факт: ошибку внесли в дело, и теперь её нельзя было исправить так, будто она никогда не случалась.

Лада не завела машину сразу. Несколько секунд она сидела молча, положив ладони на руль. Во дворе архива гасли окна одно за другим. В блокноте оставалась запись, которую она уже не могла исправить одним аккуратным уточнением: в дежурной части она назвала мужчину сыном соседки.

Телефон завибрировал на пассажирском сиденье.

Сообщение пришло от Романа: «Регистрацию приняли. Номер обращения у тебя. Завтра уточню, когда можно получить официальный ответ».

Лада перечитала и убрала телефон в карман. Он не просил её ответить, не предлагал считать случившееся недоразумением. Это было правильно — и всё равно не делало вечер легче.

Утром дождь прекратился. В архиве пахло мокрой штукатуркой и бумагой, которую на ночь оставили сушиться на столе. Лада пришла раньше обычного, открыла помещение и первым делом проверила ящик, где лежала копия перечня. Замок был цел. Она достала папку, сверила номер дела с журналом, затем вернула её в ящик и записала время проверки.

Потом позвонила в дежурную часть. Ей ответили, что сообщение зарегистрировано, а сведения об автомобиле запрошены. На вопрос, когда будет ответ, дежурный назвал срок и добавил, что данные владельца не означают, кто именно находился за рулём.

— Я понимаю, — сказала Лада.

— Тогда ждите звонка.

Она положила трубку и посмотрела на свои вчерашние записи. «Личность водителя не установлена». Слова были сухими, но теперь именно они казались единственной верной опорой.

Чуть позже в дверь постучали. На пороге стояла соседка из дома номер семь. Она держала сложенный зонт, хотя на улице уже не капало, и не снимала пальто.

— Вы позавчера были у меня, — сказала она. — С Романом.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.